

Музыка

Век. Клуб. - 1995. - 26 дек. - С. 7

Большой зал давно не видел таких дебютов

Просто фортепианный концерт, клавирабенд, вещь сейчас мало популярная. Разве заезжий какой пианист удивит нездешностью трактовки. Редко, но все же удивляют свои. То Михаил Коллонтай собственную каденцию всадит в концерт Моцарта, то Иван Соколов бетховенскую сонату наполовину сыграет, наполовину... проговорит, переведя фугу в звуки человеческой речи. То Даниил Крамер полюбовно, некощественно соединит джаз с классикой.

Большей же частью клавирабенды рутинны и по высокому счету оставляют тяжелое впечатление сдачи исполнителем очередного консерваторского экзамена. Тем более экзотичным оказался в Большом зале консерватории концерт нового фортепианного дуэта, который составили Николай Луганский и Вадим Руденко. Помимо всех прочих наград, они лауреаты последнего, десятого конкурса имени Чайковского: Луганский — обладатель второй премии, Руденко — третьей.

Не знаю, кому пришла в голову счастливая мысль объединить двух блестящих лидеров конкурса в дуэт, но нынешний их совместный дебют можно назвать знаменательным. В каком смысле?

Жюри, бедняжка, запутавшись в собственных амбициозных сомнениях, так и оставило последний конкурс Чайковского без главной премии. Будто ее и в самом деле не было. Полноте: и Луганский, и Руденко — оба первые. Да еще всеобщие любимчики — "ВК" на том конкурсе проводил голосование публики, и оба занимали верхние строчки рейтинга. Надо ли говорить, что послушать их в дуэте собралась вся приличная музыкальная Москва, и, что приятно, не снобистская.

Начали (рояли вальетом) рахманиновской Сюитой N 1, закончили Сюитой N 2. То есть начали Баркаролой, закончили Тарантеллой. Соответственно по восходящей с небольшими отклонениями шел весь концерт. Без особых фокусов, с присущими обим пианистам интеллигентностью, техническим совершенством без лишнего шума и дешевки.

Вспоминалось, что сам Рахманинов обожал музицировать в дружеских компаниях, на вечеринках в Елизаветинском училище или Екатерининском институте, где для его подопечных устраивались импровизированные танцы. Первую сюиту (Фантазию) он посвятил Чайковскому, долго не решался ему показать, а исполнил с Павлом Пабстом уже после кончины Петра Ильича. В последней части впервые звучит у него перезвон колоколов — так, как это только возможно передать на фортепиано. Но колокола "зашифрованы" и в третьей части. Рахманинов писал: "Одно из самых дорогих для меня воспоминаний связано с четырьмя нотами, вызвавшими большими колоколами новгородского Софийского собора, которые я часто слышал, когда бабушка брала меня в город по праздничным дням. Четыре ноты складывались во вновь и вновь повторяющуюся тему... У меня с ними всегда ассоциировалась мысль о слезах. Несколько лет спустя я сочи-

нил сюиту для двух фортепиано... Для третьей части тотчас нашел идеальную тему — мне вновь зашел колокол Новгородского собора".

В трактовке Луганского и Руденко и в обеих сюитах, и в Сонате Пуленка во весь голос прозвучали две чистые, цельные натуры с сильной внутренней организацией, люди молодые очень современные — и одновременно абсолютные "академики". И все же крутился все время в воздухе некий импровизационный момент. Сама музыка "Вальса" Равеля (симфоническая поэма в авторском переложении для двух фортепиано) его предполагает. Это будто история рождения трехдольного ритма в хаосе первоначального мира. Именно в этом сочинении эстрад-

но-импровизационного начала немало, и импонировало именно то, что строгая внутренняя дисциплина обоих исполнителей упорно заставляла следить за тем, как жизненный порядок каждый раз настойчиво обозначал себя устойчивой вальсовой концовкой.

На "бис" добавили еще один вальс — "Вальс цветов" из "Щелкунчика". Два здоровенных детины — и такие вот телячьи нежности. Публика, как и следовало ожидать, умилилась и пришла в трепетное оживление. Мыслишка дурная закрадывалась: ну сейчас то выдают нечто скандально-эстрадное в духе Киселевского и Томашевского: Листа в ритме буги, рэг-тайм Дюпплина, Турецкий марш на ушах... Соблазн был велик. Но компромисс оказался изящен: "Ямайская румба" Артура Бенджамина никого из блюстителей академизма не покорила, а публику заводную развлекала в меру привычных условностей Большого зала.

Сидевший в почетном шестом ряду Сергей Доренский, гордясь обоими своими аспирантами, подстегнутый их успехом, сорвался с места, подошел к сцене и долго уговаривал симпатичную парочку сыграть еще что-то. Но оба только дружно помотали головами. Рисковать, видно, не стали, оставив нам эту маленькую неразгаданную загадку в качестве шанса на будущее. И верно, все еще впереди. Всегда приятно думать, что лучшее они еще сыграют в следующий раз, хотя, кажется, куда уж лучше и милее, не говоря уже о профессионализме.

Когда-то, летом 1910 года, Рахманинов писал Н.С. Морозову из Ивановки о своих садоводческих успехах: "Поливаю их с аккуратностью, терпением и настойчивостью, достойной лучшей участи. Зато мой и восторг велик, когда увижу свежую почку или молодой зеленый листок!"

Вот и наш, публики, восторг был велик. Ничего не рассеяли, не промотали за этот год Николай Луганский и Вадим Руденко, не почивали они на конкурсных лаврах. А потому ни наслушаться, ни взглядеться на них было невозможно.

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимке: Николай Луганский (слева) и Вадим Руденко.

Фото Евгения БУРМИСТРОВА.